

ОСОБЕННОСТИ ВЕСЕННЕГО ХРОНОТОПА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

О. А. Бердникова, Е. В. Нестерова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 апреля 2014 г.

Аннотация: В статье рассматриваются на материале стихотворений И. А. Бунина особенности весеннего хронотопа, выявляемого на основе заголовочного комплекса и лирического сюжета. Весенний хронотоп представлен системой мотивов и коррелирует с метафизическими вопросами. Данный ракурс исследования позволил раскрыть индивидуально авторский образ-переживание весны и выявить соотношение реалистических и модернистских способов лирического отражения мира.

Ключевые слова: И. Бунин, хронотоп, весна, поэзия, весенние мотивы, метафизика.

Abstract: Article considers the peculiarities of spring chronotope in I.A. Bunin's poems. It is revealed by the heading complex and a lyrical plot. Chronotope of spring is presented by the system of motives and correlates with metaphysical issues. This perspective of research made it possible to disclose individual author's spring perception and to reveal a balance of realistic and modernist ways of lyrical reflection of the world.

Key words: Bunin, chronotope, spring, poetry, metaphysical issues, spring motives.

Весна ещё с античных времён является не просто одним из четырех времён года, но имеет богатую символическую палитру во всех видах искусства – это молодость и юность, любовь и страсть, возрождение природы и Воскресение Христа. Традиционно в европейской культуре олицетворением весны являются молодая женщина, а также птица в клетке как метафора обманчивости влюблённости и скоротечности поры цветения [1, 588].

Весна и её слова-маркеры достаточно частотны в заголовочном комплексе в творчестве И.А. Бунина, причём отличительной особенностью художественного мира писателя является повторение заглавий в поэтических и прозаических текстах, к примеру, стихотворение «Апрель» (1903–1906) и рассказ «Апрель» (1938). Следует отметить, что апрель является центральным месяцем весеннего хронотопа во всём творчестве Бунина, что можно объяснить общекультурной и сакральной символикой апреля – времени оживления природного мира – и месяца, на который чаще всего приходится самый главный христианский праздник – Пасха, Христово Воскресение.

Вместе с тем все месяцы весны маркированы в произведениях Бунина: при склонности поэта к точности в изображении деталей и подробностей земного бытия в его стихотворениях можно выделить основной набор тем и мотивов, характерных для хронотопа весны в трёх её месяцах.

Следует сразу отметить, что достаточно велик список тех маркированных в заглавии и в тексте

«весенних стихотворений» разных лет, которые сам поэт не включал в собрания сочинений: «Веснянка», «Горный путь к морю» («Весенний день сияет в вышине»), «Весна, и ночь, и трепет звёзд», «Весеннее», «Стояли ночи северного мая» и др. Причины этого видятся в высокой требовательности Бунина к самому себе как поэту. Он стремился избежать того банального набора тем, мотивов и метафор, который неизбежно приносит с собой в поэзию весенний хронотоп. В наши дни эти стихотворения включаются в издания избранных произведений Бунина наряду с теми, что авторской волей неизменно вводились в собрания сочинений. С научной точки зрения это не совсем корректно, поэтому в данной статье указанные стихотворения анализироваться не будут.

Так, март менее всего представлен в стихотворных текстах Бунина, при этом можно отметить, что для мартовских стихов («Мы рядом шли, но на меня», 1917) мотив природной пустоты и стужи коррелирует с мотивом отчуждения и разлуки:

*Мы рядом шли, но на меня
Уже взглянуть ты не решалась,
И в ветре мартовского дня
Пустая наша речь терялась* [2, 356]

Апрель становится основным объектом авторской поэтической рефлексии в целом ряде стихотворений Бунина, где этот весенний месяц заявлен как в заголовках («Апрель» (1903–1906), «Свежа в апреле ранняя заря...» (1907), «Как в апреле по ночам в аллее...» (1917), так и в текстах стихотворений. Стихотворение «Апрель» (1903–1906) является в этом отношении программным, так как Бунин

гармонично соединил несоединимое: его стихотворение сочетает символику и эпически точное описание явлений природы:

*Туманный серп, неясный полумрак,
Свинцово-тусклый блеск железной крыши,
Шум мельницы, далёкий лай собак,
Таинственный зигзаг летучей мыши* [2, 177].

Как всегда у Бунина в пейзажной лирике, в этом стихотворении мироздание представлено прежде всего в вертикали: «небо – земля» и «земля – небо» [3, 62]. Лексика вполне соответствует «поэтическим туманностям» эпохи модерна: серп (луны) «туманный», полумрак «неясный» – так изображаются весенние вечерние сумерки. Но вместе с тем, перед читателями возникает очень яркая, наполненная звуками и предельно точными характеристиками (в том числе и бытовыми, как, например, «крыша», «мельница», «лай собак»), картина апрельского вечера.

Ещё в критике начала XX века проблема «Бунин и модернизм» не получила однозначно решения. Признавая Бунина достойным продолжателем классических, пушкинских традиций русской поэзии, (Бунин дважды удостоился Пушкинской премии Российской Академии наук), авторы рецензий на его поэтические книги не раз отмечали черты современности его поэзии. Так, в рецензии на книгу стихов Бунина 1903–1906 годов Ф.Д. Батюшков писал: «Бунин занимает срединное место между обоими течениями (футуризм и символизм. – Е.Н.): он не новатор, но во многом нов, он не «модернист», но во многом «модерн». Он в то же время преемник и последователь традиционной поэзии классической у нас школы, по заветам Пушкина» [4, 402]. Об этом же пишет и И.Ф. Анненский в рецензии на стихи Бунина 1904–1909 годов: «Он в меру модернист, при этом не чужд классицизма» [5, 301].

Как уже говорилось выше, для поэта апрель – особый месяц, и в одноимённом стихотворении воплощены его значимые черты:

*А в старом палисаднике темно,
Свежо и сладко пахнет можжевелник,
И сонно, сонно светится сквозь ельник
Серпа зеленоватое пятно.* [2, 177]

Не случайно поэт упоминает вечнозелёные растения – «можжевелник» и ели («ельник»), и зеленоватый свет месяца, с одной стороны, есть как бы отражение света вечности, а с другой — точное описание лунного света в сумерках. Бунин умеет запечатлеть мгновения текущего времени с позиций вечности.

Апрель – символический центр весны, фактически единственный «чистый» весенний месяц, ведь март со снегами, а то и последними метелями похож на зиму, а май с его буйством зелени и цветов – на лето. Таким образом, апрель для автора – время особого ожидания, предчувствия; этот месяц хранит

в себе таинственность как всякое целостное явление природы. Недаром же описываются сумерки, то есть переходное время, когда темно, но ещё не ночь, есть свет, но от ночного светила. Именно здесь на уровне лексики есть фигура усиления за счёт повторения «сонно, сонно», свет проникает через ели, то есть медленно, но апрель готовит природу к возрождению и цветению.

Переходность зафиксирована не только во времени суток, но и в самом временном отрезке месяца – апреля, раз речь идёт о нарождающейся луне, то есть середина апреля, когда земля уже принимает солнечное тепло и являет зелень травы и набухающих почек на деревьях, но всё это – предчувствие настоящего тепла и поры цветения мая. Слова-маркеры главным образом передают это томление: «туманный серп», «неясный полумрак», «темно, свежо и сладко», «сонно».

Сам лирический герой словно слился с пейзажем, но в то же время он – его центр, ведь именно его страстное и неясное ожидание, томление передаётся посредством самого пейзажа. Это его оценочные категории – «таинственный зигзаг летучей мыши» и «серпа зеленоватое пятно», поэтому не удивительно, что обе фразы замыкают строфы, а последняя ставит точку в самом стихотворении. Между тем заключительные строки стихотворения, как это часто бывает в стихотворениях Бунина, соединяют небо и землю: ведь теперь уже серп луны светится сквозь ельник.

Особый интерес в так называемой апрельской группе стихотворений представляет стихотворение «Свежа в апреле ранняя заря» (1907), поскольку в нём воплотился религиозный мотив. Стихотворение делится на две части, из которых первая является описательной:

*Свежа в апреле ранняя заря.
В тени у хат хрустит ледок стеклянный.
Причастницы к стенам монастыря
Несут детей — исполнить долг желанный* [2, 212]

Лирический герой снова начинает своё открытие мира с вертикали «небо-земля»: сначала – апрельская заря, затем земля у хат и крупный «кинематографический план» – матери и дети у монастырских стен – это уже человек в центре происходящего. Но главным событием является Таинство Исповеди и Причастия. Вторая строфа – это обращение-молитва лирического героя:

*Прими, Господь, счастливых матерей,
Отверзи храм с блистающим престолом —
И у святых своих дверей
Покрой их звоном благостно-тяжелым* [2, 212]

Стихотворение «Как в апреле по ночам в аллее» (1917) принадлежит к числу, условно говоря, «весенних стихотворений» 1917 года (среди них «Стали дымом, стали выше», «О радость красок! Снова,

снова» и др.). В них поэт размышляет не только о неизменности природных «ритмов» Божьего космоса, но и о способности человека сохранить «радость бытия» в любые времена, независимо от исторических потрясений. Эти стихотворения убедительно показывают, что «чувство весны» становится в художественном мире Бунина метафизически значимым «образом-переживанием» [6].

В стихотворении «Как в апреле по ночам в аллее» (1917) узнаваем сугубо бунинский мотив сырости, «голубого отблеска» неба, сквозящего воздуха и особенно частотный топос сада (палисадника, парка, аллеи). Сад – это неременный и самый поэтический атрибут дворянской усадебной жизни («Антоновские яблоки», 1901 и многие стихи), и вполне конкретный «сад осенний за сараем», дающий ощущение того, что «счастье всюду» («Вечер», 1909), и «чертог» («В пустом, сквозном чертоге сада», 1917), уже по самому определению рождающий ассоциации с раем.

Однако Бунин и в этом стихотворении, и в других очень редко описывает цветущий сад / парк. Это сад / парк ранней весной или поздней осенью, но, в отличие от классической традиции, осенний и весенний (именно апрельский) сад / парк у Бунина – это чаще всего «пустой», «голый» сад: «дымчатый, воздушный и сквозной». Но и осенью, слушая «этих листьев под ногами шорох», лирический герой испытывает весеннее чувство: «Эта грусть всё то же, что весной». Апрель становится месяцем, символизирующим то настроение, которое Бунин называет «накануне»:

*Снова накануне. И с годами
Сердце не считается. Иду
Молодыми, легкими шагами
И опять, опять чего-то жду* [2, 359]

Грустное томление, апрельское ожидание является «знаком» творческого состояния лирического героя, это творческая тоска, символизирующая тот накал чувств, который призван помочь поэту «разгадать» красоту Божьего мира и «отдать», «дать понять другому», вызвать его творческое, эстетическое «сострадание» («Щеглы, их звон, стеклянный, неживой», 1917).

Иной набор мотивов и образов переживания дают, условно говоря, майские стихотворения И. Бунина: «Когда деревья в светлый майский день» (1900), «Лес шумит невнятным ровным шумом...» (1900), «Гроза прошла над лесом стороною» (1901), «Холодная весна» (1913), «Первый соловей» (1916), «Ландыш» (1917) и др. В них, в отличие от апрельских стихотворений, доминируют мотивы цветения, яркого света, тепла, благоухания, а к топосу «сад / парк» добавляется топос «лес». Лирический герой в майских стихотворениях юноша-поэт, а главные темы – молодость, любовь и поэтическое творчество.

Однако эти традиционные весенние мотивы получают в поэзии Бунина своеобразное воплощение. Так, весенняя любовь – это либо любовь-ожидание («Первый соловей»), либо любовь-воспоминание («Гроза прошла над лесом стороною»). Воспоминания о молодости и первых поэтических опытах ассоциативно возникают у Бунина либо с запахом («Ландыш»), либо при созерцании цветущих яблонь («Когда деревья в светлый майский день»). Это черты модернистского типа творческого сознания, и в поэзии Бунина сближает с модернистами артистизм, лежащий в основе новой, модернистской формы лиричности. И всё-таки это артистизм иного порядка, нежели артистизм поэтов-модернистов. Можно утверждать, что Бунину присуща «пушкинская форма лиризма» (И.Ф. Анненский), противостоящая субъективизму поэтического самовыражения поэтов новых течений. Наиболее чуткие критики отмечали особый, «затаенный», «скрытый лиризм», воссоздаваемый «искусным подбором внешних черт картины» [7; 278]. Ф.Д. Батюшков писал даже, что Бунин «щеголяет виртуозной простотой» [4; 398]. Современные Бунину критики сравнивали его манеру письма с живописью: «Он, как и Серов, могучий лирик, но тоже затаённый, застенчивый. Его изысканная лирика не для декламаций на сцене, не для романсов салонных. Как и Серов, – он виртуоз с таким чрезмерно-утончённым вкусом, который обесплодил бы его дарование, не будь оно так велико» [8; 48].

В этом отношении артистическая «эпичность» его лирики, осознанная как предметность, точность, «верность вещам», сближает его с поэтами-акмеистами. Разумеется, речь идёт именно о сближающей их общей тенденции, поскольку акмеизм, безусловно, остаётся одним из течений модернистской поэзии Серебряного века, а сами поэты-акмеисты критически отзывались о поэзии Бунина. Расхождение Бунина с модернизмом состоит и в том, что «поэзия Бунина выделяется» не только способностью поэта «из житейской будничности извлекать красоту» [9, 419], но ощущением «радости бытия», «счастья жизни», так резко не совпадающим с доминирующими в поэзии декадентскими настроениями.

Так даже в стихотворении «Холодная весна» (1913), где в заглавии заявлен мотив холода, именно благодаря образам цветущего сада и поющих соловьев, побеждает ощущение тепла и радости бытия:

*Бесцветный запад чист – жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из тёплых гнёзд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно-ярких звёзд* [2, 276]

Особенно интересна в ряду майских стихотворений столь всегда мучившая Бунина оппозиция молодости / старости, представленная в его маленьком шедевре «Старая яблоня» (1916):

*Вся в снегу, кудрявом, благовонном,
Вся-то ты гудишь блаженным звоном
Пчёл и ос, от солнца золотых.
Старишься, подруга дорогая?
Не беда! Вот будет ли такая
Молодая старость у других!* [2, 349]

Наконец, в русской поэзии только у Бунина весенний хронотоп включает в свой состав топоним кладбища / могилы. Однако благодаря этому только в весенних стихотворениях (к примеру, «Растёт, растёт могильная трава», 1906) оппозиция жизни / смерти обретает метафизическую глубину и раскрывает, возможно, секрет того «повышенного чувства жизни», той всепобеждающей «радости бытия», которые столь присущи мироощущению Бунина, трагично переживавшего обречённость человека смерти и тлению:

*Растёт, растёт могильная трава,
Зелёная, весёлая, живая,
Омыла плиты влага дождевая,
И мох покрыл ненужные слова.*

.....

*Земля, земля! Весенний сладкий зов!
Ужель есть счастье даже и в утрате?* [2, 198]

В более поздних стихотворениях и прозаических текстах Бунина весна всё более начинает соотноситься не только с жизнью, с далёкой и невозвратной молодостью, но и потерянной Родиной (стихотворение «1885», 1922, рассказ «Несрочная весна» 1923), с памятью, способной воскрешать «вещи и дела». В самом словосочетании «несрочная весна» содержится оксюморон, содержащий противопоставление сроков весны и её творческой способности вечного омоложения и обновления бытия и человеческих чувств, соотносимой с художественным творчеством:

.....

*Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною –
И первый стих, и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весной.
И это ты, простой степной цветок,
Забывший мной, отцветший и безвестный,*

*Воронежский государственный университет
Бердникова О. А., профессор кафедры русской литературы
XX–XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: officed@phil.vsu.ru
Нестерова Е. В., аспирант кафедры русской литературы
XX–XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: officed@phil.vsu.ru*

*На утре дней моих попрала смерть, как бог,
И увела в мир вечный и чудесный!* [2, 370]

Таким образом, изучение весеннего хронотопа позволило выявить ряд особенностей поэтического сознания И.А. Бунина, его индивидуально авторский образ-переживание весны, выявить соотношение реалистических и модернистских способов лирического отражения мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Д. Холл ; пер. с англ. А. Е. Майкалара. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1996. – 656 с.
2. Бунин И.А. Сочинения : в 6 т. / И. А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1987. – Т. 1. – 687 с. В статье тексты стихотворений печатаются по этому изданию.
3. Скрипникова И.Т. Смысловые константы пейзажной лирики И.А. Бунина / И. Т. Скрипникова // И.А. Бунин в начале XXI века : межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж : Кварта, 2005. – С. 62–67.
4. Батюшков Ф. И.А. Бунин /Ф.И. Батюшков // Русская литература XX века : 1890–1910 / под. ред. С.А. Венгерова. – М., 2004.
5. Анненский И.Ф. <Рецензия на 1-5 тома сочинений Бунина 1904–1909 гг.> / И.Ф. Анненский // Иван Бунин : Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. – СПб., 2001.
6. Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир» : творчество И.А. Бунина в контексте христианской духовной традиции : Монография / О.А. Бердникова – Воронеж : Воронежская областная типография-издательство им. Е.А. Болховитинова, 2009. – 272 с.
7. Гершензон М.О. <Рецензия на 1-5 тома сочинений Бунина 1904–1909 гг.> / М.О. Гершензон // Иван Бунин : Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. – СПб., 2001.
8. Чуковский К. Смерть, красота и любовь в творчестве И.А. Бунина / К. Чуковский // Нива. – 1914.– № 49.
9. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. – М., 1994.

*Voronezh State University
Berdnikova O. A., Professor of the Russian Literature of the
XX–XXI Centuries, Theory of the Literature and Folklore
Department
E-mail: officed@phil.vsu.ru
Nesterova E. V., Post-graduate Student of the Russian
Literature of the XX–XXI Centuries, Theory of the Literature and
Folklore Department
E-mail: officed@phil.vsu.ru*